

Симченко Наталия Александровна

доктор экономических наук, профессор,
заведующая кафедрой экономической теории
Крымского федерального университета
имени В.И. Вернадского

Солодовников Сергей Юрьевич

доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой экономики и права
Белорусского национального
технического университета

**НОВАЯ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ
ПРИРОДА ТРУДОВОЙ МОТИВАЦИИ
В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ
ЭКОНОМИКИ РОССИИ
И БЕЛАРУСИ [1]**

Аннотация:

В статье раскрывается сущность природы трудовой мотивации в условиях модернизации экономики России и Беларуси. Приводятся характеристики пострыночного сверхиндустриального общества, которое сегодня активно формируется в указанных странах. Отмечается значительное изменение социально-экономической природы трудовой мотивации по сравнению не только с классической рыночной или советской экономикой, но и с традиционными социально ориентированными рыночными хозяйствами.

Ключевые слова:

мотивация, модернизация экономики, социальная экономика.

Simchenko Natalia Aleksandrovna

D.Phil. in Economics, Professor,
Head of Economic Theory Department,
Crimea Federal University

Solodovnikov Sergei Yuryevich

D.Phil. in Economics, Professor,
Head of Economics and Law Department,
Belarus National Technical University

**THE NEW PHENOMENOLOGICAL
NATURE OF THE LABOUR MOTIVATION
IN THE CONDITIONS OF
MODERNIZATION OF ECONOMY
IN RUSSIA AND BELARUS [1]**

Summary:

The article reveals the nature of the labour motivation in the conditions of economy modernization in Russia and Belarus. The features of post-market and super-industrial society, developing rapidly in Russia and Belarus today, are analyzed. The authors discuss significant changes of the socio-economic nature of labour motivation comparing with not only classical market economy and soviet economy, but also traditional community-focused market-based economies.

Keywords:

motivation, modernization of economy, social economy.

Современная экономика за последние десятилетия претерпела небывалые изменения, которые радикальным образом поменяли ее объект. Традиционно под экономической системой общества понимался материально-общественный комплекс, в пределах которого осуществляются внутренне взаимосвязанное производство, присвоение и социально значимое потребление материальных средств и благ для обеспечения физической жизни общества, а также для создания материальной базы, необходимой во всех остальных сферах общественной жизни. При такой трактовке экономической системы в качестве функционального назначения экономических отношений выступает обеспечение общества необходимыми для его существования материальными условиями, средствами, благами.

При таком подходе рыночный, административно-командный и иные способы организации экономической жизни правомерно рассматривать как специфические уклады хозяйствования, сосуществующие наряду с другими его формами. В идеале, в зависимости от того, какая из форм хозяйствования на том или ином историческом этапе обеспечивала наиболее эффективный способ обмена общества веществом и энергией с окружающей средой (обеспечивала общество необходимыми для его существования материальными условиями, средствами, благами), та и преобладала. Экономика, как правило, была и остается многоукладной. При этом, например, рынок выступал одним из социальных инструментов, позволяющих более или менее успешно облегчать жизнь людей, – снижать транзакционные издержки.

На современном этапе завершается переход глобальной и национальной экономики в принципиально новую стадию развития, которая, как правило, определяется понятием «постиндустриальное общество», но в зависимости от качественных характеристик этого нового общества может быть также определена как «информационное общество» [2]; «общество знаний» [3]; «технотронное общество» [4]; «сетевое общество» [5]; «экологический постиндустриализм» [6] и т. д. По

нашему мнению, с высокой степенью вероятности современный хозяйственный уклад в экономических странах может быть охарактеризован как пострыночное сверхиндустриальное общество.

Для этого нового общества характерно: во-первых, изменение характера промышленного производства от массового изготовления до гибкого специализированного в ответ на технологические инновации; во-вторых, переход роли локомотива развития экономики от промышленности к сектору услуг; в-третьих, формирование принципиально новых глобальных финансов, которые выходят за рамки своей традиционной функциональной роли в экономической системе общества и существуют достаточно изолированно от процессов, происходящих в реальном секторе экономики. Иллюстрируя этот разрыв, Ж. Бодрийяр в свое время писал: «Весьма любопытной чертой, связанной с крахом на Уолл-стрит в 1987 г., является неуверенность в том, имела ли на самом деле место настоящая катастрофа и ожидается ли таковая в будущем. Правильный ответ – нет, реальной катастрофы не будет, поскольку мы живем под знаком катастрофы виртуальной. В этом контексте красноречиво проявляется несоответствие между фиктивной экономикой и экономикой реальной. Именно этот диссонанс и защищает нас от реальной катастрофы производительной экономики» [7, с. 40]. Далее он добавляет, что «деньги вращаются в недоступном пространстве, которое оставляет мир таким, какой он есть. В конечном итоге экономика продолжает производить, в то время как малейшего логического следствия из колебаний фиктивной экономики было бы достаточно, чтобы ее уничтожить (не забудем, что сегодня объем товарооборота в 45 раз уступает объему перелива капитала)» [8, с. 42]. В-четвертых, возрастание роли общественно-функциональных инноваций. С расширением применения общественно-функциональных технологий для принуждения акторов к желательному для Манипулятора поведению, посредством целенаправленной подачи информации в интернете и традиционных СМИ, значительно искажается восприятие субъектами своих потребностей и интересов. «Любая коммуникация (в *информационном обществе* – С.С.), – пишет по этому поводу Ж. Бодрийяр, – по сути есть лишь принудительный сценарий, непрерывная фикция, избавляющая нас от пустоты нашего умственного экрана, на котором мы с не меньшим вождением ждем изображения» [9, с. 22]. И, в-пятых, значительное изменение роли и функций информации в хозяйственной жизни, увеличение значения знаний для развития экономики. В современную эпоху информация, постоянно воспроизводящаяся и катастрофически разрастающаяся в интернете, приходит в свою противоположность. «Избыток знаний безразлично рассеивается по поверхности во всех направлениях, при этом происходит лишь замена одного слова другим» [10, с. 21]. Ж. Бодрийяр подчеркивает, что «написано и распространено столько знаков и сообщений, что они никогда не будут прочитаны. К счастью для нас! Ибо даже с той малой частью, которую мы абсорбируем, с нами происходит нечто, подобно казни на электрическом стуле» [11, с. 49]. В последнем случае речь идет по существу об использовании невероятно большого объема информационных сообщений не для получения или трансляции новых знаний, а как важного инструмента современных информационных войн. Причем последние сегодня ведутся не только между государствами и политическими партиями, но и между многочисленными классами и даже отдельными коммерческими организациями. Вместе с тем эта лавина интернет-информации слабо пересекается с теми знаниями, технологическими решениями, в которых сегодня как никогда нуждаются реальный сектор экономики и сфера услуг.

Для пострыночного сверхиндустриального общества, которое сегодня активно строится в Беларуси и России, характерно значительное изменение социально-экономической природы трудовой мотивации, по сравнению не только с классической рыночной или советской экономикой, но и с традиционными социально ориентированными рыночными хозяйствами. Это связано прежде всего с тем, что глобальные финансы постепенно становятся доминирующим хозяйственным укладом в мировой экономике, вытеснив с первого места рыночный. Кроме этого, большое значение для изменения системы мотивации к труду в частности и позитивной общественно значимой деятельности вообще имеют современные информационные войны, направленные как на нелетальное разрушение социальных субъектов, так и на противодействие этому процессу.

Как известно, под трудовой мотивацией традиционно понимается побуждение индивида к труду как результат его внутренней реакции на соотношение своих потребностей и интересов с действием факторов внешней среды. Для управляющего трудовая мотивация выступает частным случаем более общего понятия «отношения социально-экономического управления». Эти отношения в самом общем виде могут быть определены как специальная совокупность «отношений по поводу осуществления каких-либо отношений, то есть производства социально необходимого поведения субъектов» [12], которые формируют принципиальную социально-экономическую диспозицию сторон и их общий статус в экономической системе [13]. Их функциональная цель состоит в том, чтобы посредством формирования и осуществления определенного поведения субъектов обеспечить производство, присвоение и использование материальных благ в интересах господствующих социальных классов и групп, общества в целом, других субъектов. Можно утверждать, что без отношений социально-экономического управления, обеспечивающих

соблюдение определенных правил поведения хозяйствующими субъектами, социально-экономическая система утрачивает свою целостность. Иначе говоря, без отношений социально-экономического управления невозможно ни одно экономическое действие.

Выделяются три основных типа социального управления в широком смысле слова: властное, информационное (информационно-идеологическое), стимуляционное. Властное управление является самым экономически эффективным (по критерию затраты – результат) типом управления, но только до тех пор, пока объекты властного управления согласны подчиняться приказам сверху. М. Вебер понимал под «властью» возможность одного человека или группы людей реализовать свою собственную волю в совместном действии даже вопреки сопротивлению других людей, участвующих в указанном действии» [14]. Таким образом, властные отношения – это возможность со стороны одних социальных субъектов в большей или меньшей степени открыто (авторитарно) навязывать свою волю другим субъектам, то есть заставлять последних в той или иной степени действовать сообразно интересам первых.

Стимуляционное управление основано на предоставлении каких-либо благ за совершение определенных действий. Когда в экономической системе общества доминирует рыночный уклад хозяйствования, объективно усиливается коммерциализация мотивов к труду – материальное стимулирование начинает занимать большую долю в общей системе стимулов. Поскольку мотивы к труду находятся в различном отношении между собой, то есть могут усиливать или ослаблять друг друга, быть противоречивыми и т. д., то усиление материальных стимулов к труду не означает полного исчезновения нематериальных стимулов. Вместе с тем в данном случае речь идет о преобладании одних стимулов над другими.

В современной экономике на смену традиционным методам принуждения к труду – административно-командному (властному) и стимуляционному – все чаще приходят достаточно сложные, но уже хорошо адаптированные механизмы подмены реальных экономических мотивов (основанных на потребностях и интересах субъекта) на псевдомотивы за счет современных способов информационно-идеологического убеждения (через интернет-технологии и традиционные СМИ), что может порождать у объекта воздействия поведение, идущее вразрез с его потребностями, потребностями группы и класса, к которым он принадлежит, общества в целом.

Таким образом, информационно-идеологический тип управления, основанный на знаниях, сознании и убеждении индивидов, усиливает свое значение в экономике XXI в. При этом широко используется такой прием, как подмена понятий, в том числе и вульгаризация понятийного аппарата современной экономической науки. Иначе говоря, поскольку основу субъектного ориентационно-регулятивного (в том числе и мотивационного) комплекса составляет система ценностей субъекта, которая предопределяет характер всех других его компонентов – целей, установок, стереотипов, убеждений, моделей поведения и т. п., то и наиболее экономически эффективным представляется воздействие на хозяйствующих субъектов за счет внушения им необходимых для управляющего субъекта целей, установок, стереотипов, убеждений, моделей поведения, в том числе и за счет применения такого приема дискурса, как подмена оснований. При этом традиционные стимулы перестают действовать, поскольку происходит психологическое искажение их восприятия, когда результаты стимулирования значительно расходятся с навязанными актору целями и интересами. Таким образом, может подменяться ведущий объективно обусловленный мотив к трудовой и иной социально значимой деятельности (на искусственно навязанный извне псевдомотив), который при этом не только продолжает выполнять функцию наиболее сильного побуждения и направления трудовой деятельности, но начинает придавать этой деятельности особый личностный смысл, производя социально значимое поведение в интересах управляющего субъекта, то есть того, который навязывает псевдомотивы актерам.

Социально-рыночная экономика должна отвечать двум принципам: во-первых, создавать наиболее благоприятные условия для усиления экономической жизнеспособности социума, путем наиболее экономного функционирования экономики и, во-вторых, обеспечивать максимально возможное для данного уровня общественного развития социальное равенство. Из такого подхода видно, что в данной системе заложена не только гармония, но и внутреннее противоречие между сторонниками различных детерминаций. В любом реальном обществе приближение к социально ориентированной экономической системе будет встречать сопротивление носителей уравнилельных и монопольных экономических интересов, а также возможно противодействие этому процессу и со стороны субъектов, являющихся носителями продукционных интересов. Поэтому для продвижения к социально ориентированной экономике необходимо сильное государство, активно участвующее в социально-экономическом преобразовании общества.

Предлагаемые сегодня в теории различного рода модели социальных рыночных хозяйств строятся главным образом исходя из ориентации на преимущественную реализацию трудовых экономических интересов, дополняемых реализацией социальных интересов. Как известно, термин «социальное рыночное хозяйство» (или «социальная рыночная экономика») возник в 40-х гг. прошлого

века в Германии, благодаря группе либеральных экономистов, которые подразумевали под ним конкурентную капиталистическую экономику, где государство не довольствуется ролью «ночного сторожа», а активно содействует развитию рыночных институтов (например, способствует усилению свободной конкуренции, препятствует возникновению монополий) [15]. Вместе с тем до настоящего времени среди ведущих западных экономистов отсутствует единое мнение по поводу того, что же следует понимать под «социальным рыночным хозяйством». Однако, несмотря на методологические расхождения в трактовках категории «социальное рыночное хозяйство», при построении конкретных социально-экономических моделей подавляющее большинство исследователей закладывает в их основу именно трудовые (производственные) и социальные (системные) интересы.

Так, например, Л. Хайнц, говоря об экономическом «порядке» (то есть «...наборе правил, регулирующих структуру данной сферы» [16, с. 6], подчеркивал, что последний «...должен решать три задачи, существующие в экономике любого общества: во-первых, должна формироваться и обеспечиваться работоспособность экономики, во-вторых, должна осуществляться целенаправленная координация всех видов экономической деятельности и, в-третьих, с помощью экономического порядка должны достигаться основные общественно-политические цели» [17, с. 7–8]. Показав, таким образом, в самом общем плане необходимость при построении экономической модели учитывать общесистемные интересы (*социальную детерминацию – С.С.*), Хайнц раскрывает в своей книге «Социальная рыночная экономика. Германский путь» основные признаки социального рыночного хозяйства. Это, во-первых, существование рыночной экономики, во-вторых, создание правовой системы, благоприятствующей реализации экономических интересов непосредственных производителей, в-третьих, «относительное экономическое воздержание государства» [18, с. 31] и, в-четвертых, обеспечение существования нетрудоспособных членов общества [19, с. 32]. Очевидно, что речь здесь идет о доминировании в социально-экономической системе именно трудовых и социальных интересов.

В современной регулируемой социально ориентированной рыночной экономике, критически зависимой от информационных технологий и глобальных финансов, социально-экономическая природа трудовой мотивации существенно усложняется и претерпевает трансформацию по причине: во-первых, увеличения количества социальных классов в обществе, что усложняет проблему выработки определенного баланса интересов в рамках рыночного хозяйственного уклада; во-вторых, широкого развития технологий нелетального разрушения социальных субъектов, которые позволяют подменять основания трудовой мотивации, внедрять в сознание индивидов псевдомотивы, отвечающие интересам не их носителей, а манипуляторов; в-третьих, рыночный хозяйственный уклад теряет свое доминирующее положение в национальных экономических системах и в международных экономических отношениях, что существенно нарушает рыночные принципы оплаты и стимулирования труда; в-четвертых, значительно усиливается роль государства как конфигуратора рыночных отношений, в том числе в поддержании социальной справедливости в оплате труда, что может вызывать уравнилельные настроения в обществе и, соответственно, снижать эффективность стимуляционного и административно-командного управления. По мере становления постиндустриального хозяйственного уклада на смену материальным стимулам к труду приходят нематериальные.

Ссылки и примечания:

1. Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15–22–01001.
2. Machlup F. The Production and Distribution of Knowledge in the United States. Princeton, 1962.
3. The Knowledge Society / ed. by G. Bohme, N. Stehr, D. Reidel. Publishing Company, Holland, 1984.
4. Brzezinski Z. Between Two Ages. New York, 1970.
5. Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. I: The Rise of the Network Society. London ; Oxford, 1996.
6. Roszak T. Where the Wasteland Ends: Politics and Transcendence in Postindustrial Society, 1972.
7. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. 5-е изд. М., 2014. 260 с.
8. Там же. С. 42.
9. Там же. С. 22.
10. Там же. С. 21.
11. Там же. С. 49.
12. Герасимов Н.В. Экономическая система: генезис, структура, развитие. Минск, 1991. С. 61.
13. Там же.
14. Вебер М. Основные понятия стратификации // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 147.
15. Эрхард Л. Благополучие для всех. М., 1991.
16. Хайнц Л. Социальная рыночная экономика. Германский путь. М., 1994.
17. Там же. С. 7–8.
18. Там же. С. 31.
19. Там же. С. 32.

References and notes:

1. The publication is prepared in the framework of a research project supported by the RHF № 15-22-01001.
2. Machlup, F 1962, *The Production and Distribution of Knowledge in the United States*, Princeton.
3. Bohme, G, Stehr, N & Reidel, D (ed.) 1984, *The Knowledge Society*, Publishing Company, Holland.
4. Brzezinski, Z 1970, *Between Two Ages*, New York.
5. Castells, M 1996, *The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. I: The Rise of the Network Society*, London; Oxford.
6. Roszak, T 1972, *Where the Wasteland Ends: Politics and Transcendence in Postindustrial Society*.
7. Baudrillard, J 2014, *Transparency evil*, 5th ed., Moscow, 260 p.
8. Baudrillard, J 2014, *Transparency evil*, 5th ed., Moscow, p. 42.
9. Baudrillard, J 2014, *Transparency evil*, 5th ed., Moscow, p. 22.
10. Baudrillard, J 2014, *Transparency evil*, 5th ed., Moscow, p. 21.
11. Baudrillard, J 2014, *Transparency evil*, 5th ed., Moscow, p. 49.
12. Gerasimov, NV 1991, *The economic system: the genesis, structure, development*, Minsk, p. 61.
13. Gerasimov, NV 1991, *The economic system: the genesis, structure, development*, Minsk, p. 61.
14. Weber, M 1994, 'Concepts stratification', *Sociological researches*, no. 5, p. 147.
15. Erhard, L 1991, *Prosperity for all*, Moscow.
16. Heinz, L 1994, *Social market economy. German way*, Moscow.
17. Heinz, L 1994, *Social market economy. German way*, Moscow, p. 7-8.
18. Heinz, L 1994, *Social market economy. German way*, Moscow, p. 31.
19. Heinz, L 1994, *Social market economy. German way*, Moscow, p. 32.